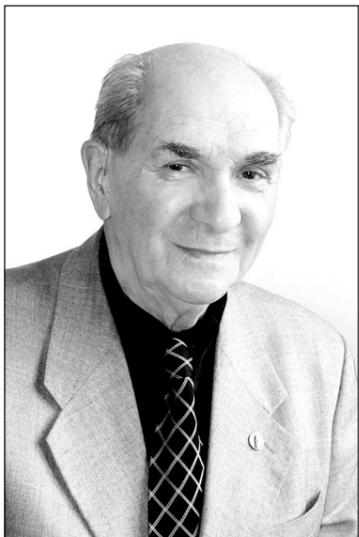

Тем и интереснее

Размышления после встречи с юбиляром

Как уважительно ни относишься к почтенному возрасту (а 85 лет — это кое-что!), всё равно не покидает ощущение, что перед тобой живой свидетель столь давних времён, которые были задолго до твоего личного осознания твоей собственной сущности. Главный «водораздел» хронологического восприятия — Великая Отечественная война. Наш герой, Григорий Семёнович Фрадкин (все титулы мы сознательно оставляем за официальными поздравлениями) родился и рос ДО неё, и так уж получилось, что войну он встретил (как это ни парадоксально звучит) в свои неполных тринадцать лет вполне сложившимся человеком. (Ау, нынешние школяры, слышите ли вы меня?). В 1940-м он был избран командиром тимуровской команды г. Бежика Брянской области (Григорий Семёнович сам отмечает этот факт в своей биографии как весьма значительный), в первые же дни войны добровольно вступил в молодёжный батальон, призванный помогать населению в прифронтовой суматохе.

Потом была эвакуация в Чкаловскую (ныне Оренбургская — чувствуете разницу?) область, всю войну работа до седьмого пота, — это не оговорка, он действительно работал в колхозе, начиная с первого дня пребывания в сёлах Воронцовского сельсовета. Буквально так: вечером прибывших в эвакуацию разместили на полу в сельском клубе, а утром начался первый трудовой день и первое задание бригадира — повдёргать лён на одной сотке. Он сделал в полтора раза больше, за что был отмечен катанием на бригадирской лошади. Смех и слёзы. Смешно, потому что ещё ребёнок, и прокатиться на коне для него событие, и слёзы, потому что ещё совсем ребёнок, ему бы за партой сидеть, на переменах мамыны бутерброды есть, а он вынужден был работать почти всю войну наравне со взрослыми. Собственно, в то время, видимо, не он один повзрослел рано.

А в 45-м ему повезло: на ток приехал недавний солдат, ставший директором школы, Иван Андреевич Гудымов — наверное, что-то стало меняться в общественном сознании тех лет, — он помнил к себе паренька и поинтересовался, когда и где он учился в последний раз. Нетрудно представить себе эту сцену: бывший фронтовой разговаривает на току с рослым уже шестнадцатилетним юношей: так, значит, пять классов окончил всё-таки? Хочешь учиться? Ну и что, что переросток, давай договоримся так: ты подналяжешь на учебники, взрослый уже, прочтёшь школьную программу за 6—9 классы, что не осилишь — поможем, и сразу в 10-й класс! Идёт? Ну, тогда держи пять!

Это может показаться невероятным, но Григорий действительно решил эту феноменальную задачу за несколько месяцев — видно, так велико было желание учиться — и в 1946-м получил аттестат зрелости отличника. Наверное, там были какие-то натяжки, — не без этого, как мир не без добрых людей. Но благодаря отличному аттестату и действительно незаурядным способностям он становится студентом геологического факультета Саратовского государственного университета. А там уже, можно сказать, всё пошло как по маслу: отличная учёба, первая научная работа и полностью открытый совершенно счастливым мир, когда казалось, что никаких

войн больше вообще никогда не будет, широка страна моя родная, и здравствуй, Якутия, край таинственный и прекрасный, куда он приехал на работу сначала в геологоуправление. Но великая вещь призвание, которое вывело его всё же на научное поприще, и он с тех пор научный сотрудник Академии наук сначала СССР, позже России, а скоро — бог знает чего...

Признаюсь, автору этих строк было особенно интересно встретиться и разговаривать с юбиляром именно в то время, когда общественная дискуссия о судьбе РАН достигла своего апогея. Я внимательно слушал этого человека и размышлял о судьбе тысяч таких, как он, «рядовых» деятелях науки с докторской или кандидатской степенью, положивших на алтарь любимого дела всю свою жизнь, до последнего зёрнышка дня. Неужели у кого-то рука поднимется, язык повернётся прямо в лицо бросить этим людям, что, мол, пора, нечего под ногами путаться, с воспоминаниями своими лезть, сравнивать, как было и как стало, — естественно, по-вашему, раньше было лучше, вот вы и оставайтесь в своём замечательном прошлом, а нам (им!) надо вперёд идти, и ваши рассуждения насчёт связи поколений, передачи якобы бесценного опыта молодым — это, извините, досужие, как бы это помягче сказать, разговоры: вы живёте в прекраснейшем месте Земли, в самом сердце Академгородка, вот и наслаждайтесь общением с соснами, белками, родными и близкими, в пяти минутах Дом учёных с очередной выставкой и т.д.

Но вот же он, Григорий Семёнович, передо мной, пожилой человек с ясным и трезвым умом, назвать его стариком или дедушкой язык не поворачивается, он весь в мыслях, сегодня тревожится за судьбу российской науки, он показывает мне альбомы с фотографиями: Фрадкин с великими мира сего, с выдающимися учёными, молодой и не очень, но везде одинаково по-своему красивый. Как было не влюбиться в него в Саратове его будущей супруге Антонине Фирсовне Петровой, — тогда о том, кто из них еврей, а кто русский, они и не задумывались, и детей родили, и жизнь долгую вместе прожили, и вообще они, разумеется, из тех людей, о ком и без слов понятно, что они родом из СССР, большой России, в которой происходят времена от времени малопонятные даже для них, учёных, события и дела...

Словно почувствовав ход моих мыслей, Григорий Семёнович начинает читать стихи: *Быть стариками — непростая штука, Не все умеют стариками быть! Дожить до старости — ещё не вся наука, Куда трудней достоинство хранить. Не опуститься, не поддаться хвори, Болячками другим не докучать, Уметь остановиться в разговоре, Поменьше наставлять и поучать. Не требовать излишнего вниманья, Обид, претензий к близким не копить, До старческого не дойти брюзжания — Совсем не просто стариками быть. И не давить своим авторитетом, И опытом не слишком донимать, У молодых свои приоритеты, И это надо ясно понимать...*

Что ж, Андрей Дементьев знал, что писал... Далеко не каждому личную возрастную драму удаётся не превратить в фарс, а нести с достоинством и честью, если, конечно, жизнь того заслуживает. Будь, как говорится, каждый готов! И почаще вспоминай о будущем, когда тебе не за семьдесят, а пятнадцать и тридцать... Не только мне кажется, что на переломе эпох, а сегодня для большинства людей науки именно такое время, самое страшное — это потерять связь поколений. Как там у Шекспира: «Распалась связь времён...». Потому что главное для человека — это всё-таки сам человек, судьба близких ему людей, да и всего человечества. Бездушный рационализм, нацеленный только на результат, никогда не приживётся в российском самосознании. И седовласого профессора Фрадкина в той же университетской лаборатории никогда не заменит просто одарённый молодой преподаватель. В науке и образовании от века всё это связано единым узлом — опыт и талант.

— Григорий Семёнович, а какую пору своей жизни вы бы назвали самой тяжёлой?

— спрашиваю я юбиляра. Он на минуту проваливается взглядом куда-то внутрь себя, снимает, видимо, как археолог, в своей памяти слой за слоем пласты своей долгой жизни:

— Первые дни войны! Помню, как мама под бомбёжкой прижимала меня крепче к себе, а я силится куда-то бежать, потому что считал себя взрослым. А потом улицы Бежичи — всё залито кровью, мы помогали собирать трупы и части тел. Это было какое-то оцепенение от ужаса.

— А самый счастливый день?

— Их было много. Если говорить о мгновениях, то это в первую очередь День Победы, — Григорий Семёнович смахнул слезу. — Четыре года изнурительного труда, лишения и вот она — Победа! Что ещё? Моя первая трудовая награда, когда одноруким бригадир посадил меня на лошадь и, держа её под уздцы, прокатил меня вокруг моей делянки. О моей любви и женитбе, рождении детей я уж не говорю. Я был счастлив, когда защитил сначала кандидатскую, потом докторскую диссертацию, перешёл на работу в Академию наук, затем был переезд в Академгородок, да, пожалуй, вся моя жизнь — счастье, хотя это звучит почти невероятно, но это факт!

— Какие человеческие качества вы цените больше всего?

— Первое — это порядочность. Затем трудолюбие. Я сам всю жизнь трудолюбив, поэтому для меня человек ценен в первую очередь трудом, его результатами. И люблю людей добрых. Такими качествами, на мой взгляд, обладал мой учитель Андрей Алексеевич Трофимук. Я до сих пор люблю этого человека. Но когда мой кумир в силу своего характера делал что-нибудь резкое (а он позволял себе это!) я внутренне сжимался и не понимал этого: человек должен быть добрым! Я не принимал даже таких его поступков, как известный отказ от государственной награды. Просто потому, видимо, что я другой человек.

— А что вам особенно не нравится?

— Лукавство. Я не говорю — ложь. Это само собой. Но когда человек неискренен, а я много чего видел на своём веку, меня это оскорбляет и вызывает во мне гнев.

— Но ведь все мы живём в эпоху компромиссов!

— Компромисс компромиссу рознь. Неискренность ходит в обнимку с двурушничеством, а это уже опасно.

— Вы прожили очень большую жизнь, только в науке уже более полувека. На ваш взгляд, какой период в её истории — из известных вам — был самым светлым?

— Я могу судить только о том, что хорошо знаю: на мой взгляд, это был период между 1956 годом и 1965-м. Страна отошла от военных ран, начиналось огромное созидание, в том числе и в науке. Это было время не только завоевания космоса и создания надёжной обороны страны, ведь неслучайно именно в это десятилетие были сделаны также величайшие открытия в геологии, других науках. На мой взгляд, дело совсем не в Хрущёвской оттепели — это было дыхание самой новой мирной жизни, уникальные годы.

— А самый сложный период?

— По-моему, сейчас. Такого ещё не бывало, когда внешнее давление со стороны власти сопряжено с внутренними проблемами Академии. Я не могу сказать о себе, что я человек науки, выразимся скромнее — я пытался быть полезным науке. Я не Николай Васильевич Черский, не Андрей Алексеевич Трофимук, но позволяю себе иметь своё собственное суждение: в Академии давно назрела необходимость самоочистки: раздутые штаты, чиновничество, недовольство творческой молодёжью, жажда перемен, метастазы лженауки — своего Ломоносова у нас не было! Теперь придётся считаться с тем, что предлагают, хотя и не самым лучшим способом.

— Вы иногда размышляете о религии?

— Довольно много и, честно говоря, не могу понять феномена веры, который, однако, уважаю. Осознаю, что наука и религия не пересекаются, что это две разные плоскости, если так можно сказать, духовной жизни и рационального сознания, ну и пусть бы с ними, если бы не чьи-то попытки скрестить их, пересечь и вязать чуть ли не в борьбу, как это было в период научного атеизма, — неплодотворный путь. И то и другое необходимо обществу.

— А что есть Бог?

— Нет у меня на это ответа.

Жизнь со звездой

С 24 по 28 июня 2013 года Иркутск принимал участников Международной конференции по изучению космической погоды с использованием космических и наземных наблюдений «Жизнь со звездой».

Конференцию, которая состоялась уже в пятый раз, проводил Институт солнечно-земной физики СО РАН. Помимо учёных из Иркутска и их коллег из других городов России в работе конференции приняли участие исследователи из США, Канады, Японии, Китая, Нидерландов, Германии, Индии, Австрии, Финляндии, Испании, Франции, Чехии, Швеции, Италии.

На научных заседаниях были рассмотрены вопросы, связанные с изучением системы Солнце-Земля, включая наблюдения, теорию, моделирование и прогнозирование. В частности, обсуждался текущий аномальный цикл солнечной активности.

Конференция «Жизнь со звездой» призвана объединить членов международного научного сообщества, для того чтобы стимулировать развитие научных исследований взаимосвязанной системы Солнце-Земля. Она также является прекрасной возможностью продемонстрировать развитие науки в Восточной Азии.

Сопредседателями Программного комитета конференции выступили Анатолий Алексеевич Петрукович (Институт космических исследований, Москва, Россия) и Гелий Александрович Жеребцов (Председатель Научного совета РАН по физике солнечно-земных связей, Российская академия наук).

Наш корр.

Фото В. Короткоручко

По следам польских исследователей Сибири

В Иркутск 18 июля 2013 года приехал польский репортер-исследователь Яцек Палкевич. Целью его поездки является изучение наследия польских исследователей Сибири.

Как рассказал путешественник, в Иркутске он хочет посмотреть улицы, которые носят имена известных поляков, также побывает в Улан-Удэ, где должно состояться открытие обелиска, посвященного полякам-строителям КБЖД. Кроме того путешественник хочет поработать с архивными документами в Иркутском краеведческом музее, побывать на Байкале, а затем он отправится на Камчатку и Командорские острова. Итогом экспедиции станет книга, написанная в жанре репортажа. «В Польше существует миф, что Сибирь — это проклятая земля, куда отправляли ссыльных в годы сталинских репрессий. Я хочу рассказать полякам, что Сибирь — это не только ГУЛаг», — отметил Яцек Палкевич.

Наш корр.

На снимке В. Короткоручко: — путешественник, исследователь и журналист Яцек Палкевич.

Алексей Надточий, «НВС»